

Irena Betko

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski

**РЕАЛИЗАЦИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ
НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ *ШИНЕЛЬ*)**

**Realization of “Transcendental Function” in the Context of Literary Work
(on the Example of Nikolai Gogol’s Story *The Overcoat*)**

ABSTRACT: “Transcendental function” is one of the central category in Carl Gustav Jung’s Analytical Psychology. The theoretical aspects of its realization in the context of literary work are the researches object in this article. Fundament of analyze is Nikolai Gogol’s outstanding story *The Overcoat*.

KEYWORDS: “transcendental function”, Nikolai Gogol’s story *The Overcoat*, archetypal motives of Persona and Shadow

Феноменологию *трансцендентальной функции*, обуславливающей различные формы взаимоотношений и взаимодействий сознания и бессознательных сфер психики, можно проследить на различных этапах создания литературно-художественного произведения. Именно она, во-первых, обеспечивает процесс адекватного выведения бессознательных мотивов и содержаний на свет сознания художника слова. Во-вторых, способствует духовно и эстетически убедительной артикуляции этих мотивов и содержаний при посредстве элементов образно-художественной системы произведения. В-третьих, во многом удерживает глубиннопсихологический контекст литературного текста, предполагающий специфическое – поначалу бессознательное, но в ходе творческой самореализации всё более осознанное – отождествление / разотождествление автора с художественными условностями / конвенциями разного рода и толка.

В исследовательском арсенале аналитической / глубинной психологии понятие *трансцендентальной функции* относится к числу наиболее существенных. Феномен, лежащий в его основе, Карл Густав Юнг (1875–1961) интерпретировал следующим образом:

Психологическая «трансцендентальная функция» возникает из соединения содержимого бессознательного с содержимым сознания. [...] бессознательное стремится компенсировать или дополнить сознание. [...] В результате конфронтации с дотоле неосознаваемым содержимым сознание постоянно расширяется [...] при условии, что оно задаст себе труд интегрировать это содержимое¹.

Таким образом, *трансцендентальная функция* „является по своей сути аспектом саморегуляции психе. Как правило, проявляется она символически и воспринимается как новая позиция [индивида – И. Б.] по отношению к самому себе и к жизни”². В частности, *трансцендентальная функция* предполагает всестороннюю многоуровневую гармонизацию человеческой психики, интеграцию её сознательных и бессознательных сфер и т.п. Показательно, что в широком культурософском плане все эти процессы в значительной мере ориентированы на богатый арсенал средств художественной экспрессии литературы и искусства, и прежде всего на различные формы и способы символической интерпретации действительности.

Так, в контексте символического художественного мышления трудно переоценить значение архетипических праобразов³. Они не только играют роль посредников между сознанием и бессознательными сферами психики в процессе реализации *трансцендентальной функции*, но и выступают как факторы, оказывающие огромное влияние на каждую из этих сфер. В докладе *Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству*, прочитанном в мае 1922 г. на собрании цюрихского Общества немецкого языка и литературы, Юнг, в частности, пришёл к следующим выводам:

Говорящий праобразами говорит как бы тысячьо голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из одноактности и временности в сферу

¹ К.Г. Юнг, *Трансцендентальная функция*, [в:] Idem, *Синхронистичность. Сборник*, отв. ред., общая редакция и предисл. Л.С. Удовик, пер. с англ. О.О. Чистяков, Г.А. Бутузов, Л.С. Удовик, консультант Н.Н. Мусина, Москва–Киев 1997, с. 15, 40.

² D. Sharp, *Funkcja transcendentna*, [в:] Idem, *Leksykon pojęć i idei C.G. Junga*, tłumaczenie i wstęp J. Prokopiuk, Wrocław 1998, с. 65. Здесь и далее перевод с польского мой – И. Б.

³ См.: К.Г. Юнг, *Архетипы коллективного бессознательного*, пер. А.В. Кричевский, [в:] Idem, *Собрание сочинений. Психология бессознательного*, пер. с нем. В.М. Бакусев, А.В. Кричевский, науч. ред. М.С. Ковалёва, Москва 1996, с. 135–164; см. также: D. Sharp, *Archetypowy obraz*, [в:] Idem, *Leksykon...*, с. 38–41.

вечносущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путём высвобождает в нас все те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых опасностей и преодолевать даже самую долгую ночь. Такова тайна воздействия искусства⁴.

Литературно-художественное творчество, в свою очередь, выступает мощнейшим компенсационным фактором психики по отношению к экспансии господствующего во внешнем мире предметного сознания человеческой личности. Оно, среди прочего, позволяет восполнять / сублимировать расплываемый вовне и всуе энергетический потенциал в ходе реализации *трансцендентальной функции*, предполагающей ассимилятивное осмысление и последующую трансформацию *нуминозного*⁵ / *сакрального* содержания архетипических мотивов индивидуального / личного и коллективного бессознательного⁶ в художественные образы и символы.

* * *

Мировая литературная классика репрезентирует адекватный во всех отношениях материал для исследования как феноменологии *трансцендентальной функции*, так и закономерностей её реализации на различных формально-смысловых уровнях художественного произведения. Не случайно самые выдающиеся тексты всех времён и народов притягивают внимание читателя / исследователя как глубоко суггестивные образцы интерпретации загадочных архетипических мотивов индивидуального и коллективного бессознательного. Эта обширная тема, пожалуй, могла бы лечь в основу целой серии комплексных исследований. В данном же случае контекст научных рефлексий будет сконцентрирован на повести *Шинель* (1842), вошедшей в цикл *Петербургских повестей* Николая Васильевича Гоголя (1809–1852), которая по праву считается одним из самых сокровенных произведений русской классики XIX в.⁷

⁴ К.Г. Юнг, *Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству*, пер. В.В. Библихин, [в:] Idem, *Архетип и символ*, сост. и вступ. ст. А.М. Руткевич, пер. и прим. А.М. Руткевич и др., науч. ред. Л.С. Чибисенков, Москва 1991, с. 284.

⁵ Согласно Юнгу, *нуминозное* – „это либо качество видимого объекта, либо невидимое присутствие чего-то, вызывающее особого рода изменение сознания”, – см.: Idem, *Психология и религия*, пер. А.М. Руткевич, [в:] Idem, *Архетип и символ...*, с. 133; см. также: D. Sharp, *Numinotusznu*, [в:] Idem, *Leksykon...*, с. 116.

⁶ См.: К.Г. Юнг, *Личное и коллективное бессознательное*, пер. В.М. Бакусев, [в:] Idem, *Собрание сочинений. Психология бессознательного...*, с. 178–192; см. также: D. Sharp, *Nieświadomość zbiorowa*, [в:] Idem, *Leksykon...*, с. 112–113.

⁷ Предпринимаемая попытка изучения психо-художественных особенностей реализации *трансцендентальной функции* в контексте данной гоголевской повести представляет собой новый аспект её ритуально-мифологического анализа, в общих чертах осуществлённого в тре-

Архетипический протагонист повести – *маленький человек* Акакий Акакиевич Башмачкин – наделён рядом глубоко амбивалентных характеристик и свойств. Их воистину колоссальный символический диапазон охватывает, с одной стороны, сакральную ипостась христианского подвижника – писца священных текстов, а с другой – профанную нарицательную фигуру *вечно-го титулярного советника*. Финальная ритуально-мифологическая коллизия *фантастической* истории, изложенной в произведении, связана с превращением Акакия Акиевича в мстительного духа.

Продолжать осмысленную жизнь после смерти способен далеко не каждый, но только посвящённый, маг, колдун, – т.е. тот, кто имеет сознательную душу / интегрированную психику. Представители чиновничества, изображённые в рассматриваемой гоголевской повести (в т.ч. *значительное лицо* и др.), будучи репрезентантами разнообразных архетипических аффектов *персоны*⁸, бессознательно отождествившими себя с внешней *маской* социально-бюрократической успешности, стать духами по смерти фактически не имеют ни малейших шансов, поскольку в живых, с биологической точки зрения, телах они носят *мёртвые души*. Подобное состояние крайней психической дезинтеграции личности, блокирующее даже самые минимальные проявления *трансцендентальной функции*, приводит на память евангельскую метафору *гробов повапненных*, к которой прибегает Христос, разоблачая тотальное лицемерие *персоны*, её духовную слепоту и внутренний самообман; ср.: „Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония” (Мф. 23: 27–28)⁹.

Лишь посвящённому дано сознательно и целенаправленно действовать после смерти. Метафизически вознесённый над чиновничьей иерархией, а точнее – занесённый над ней, как *бич господний*, на последних страницах повести протагонист карает, приводя к покаянию, её *quasi*-божество – генерала, в чём

твѣй главѣ (см.: Душа „маленького человека”. Мифы и архетипы против стереотипов) монографии: И. Ветко, „Души изменчивой приметы”... Избранные тексты украинской и русской классики в зеркале мифо-архетипического анализа, Olsztyn 2016, с. 74–102.

⁸ Об архетипе *персоны* см.: К.Г. Юнг, *Персона как фрагмент коллективной психики*, пер. В.М. Бакусев, [в:] Idem, *Собрание сочинений. Психология бессознательного*..., с. 215–223; см. также: D. Sharp, *Persona*, [в:] Idem, *Leksykon*..., с. 124–126; СЕМИРА, *Послесловие переводчика (Персона)*, [в:] К.Г. Юнг, *Алхимия снов*, пер. с англ., предисл. и послесл. СЕМИРА, Санкт-Петербург 1997, с. 308–313.

⁹ Цит. по: Библия. Современный русский перевод (Русское Библейское Общество), Москва 2011 [online].

видится одно из психологически и художественно убедительных проявлений *трансцендентальной функции*.

Вместе с тем посмертное превращение человека в привидение, – т.е. в послушную марионетку собственных страстей, – является суровой карой, которая постигает всех тех, кто слишком сильно привязан к материальному плану бытия. Согласно мифологическим представлениям многих народов, это крайне тяжёлое психо-духовное состояние. Оно становится незавидной участью душ, по тем или иным причинам застрявших между мирами живых и мёртвых. Эммануил Сведенборг (1688–1772), в частности, указывает на высокую степень духовной слепоты и крайней бессознательности, характерную для анализируемого состояния:

Первое состояние по смерти весьма близко к мирскому, потому что человек остаётся во внешности своей даже похож на себя лицом, речью и нравом [...] а стало быть и нравственной, и гражданской жизнью. Посему он и полагает, что всё ещё продолжает ту же мирскую жизнь [...] Это первое состояние человека по смерти длится для иных по нескольку дней, для других – по месяцам или даже целый год, но уже редко – долее одного года. [...] всякий безумствует по-своему, по своим страстям, а их много¹⁰.

В повести *Шинель*, однако, фигурирует не привидение, а фантом, который, в отличие от привидений, может оказывать физическое воздействие на окружающую среду. Пленение в *фантомном теле*, согласно эзотерическим доктринам, соответствует так называемой *второй смерти* (смерти души). Фантомное, или эфирное, тело также рано или поздно гибнет, а с ним – и душа, пленённая в нём, – т.е. остановившаяся, на определённом этапе, в своём поступательном духовном развитии. Стоя на ортодоксально-православных позициях, причину экзистенциальной катастрофы гоголевского героя Дмитрий Емец с полным основанием усматривает в его духовном падении:

Метания [...] неуспокоенной души Акакия Акакиевича после смерти, хождения «живого» мертвеца – наводят на мысль о её гибели. [...] Герой, наделённый чертами подвижника, но применяющий их без смысла и цели, превращается в противоположность подвижника – в мстителя и преследователя, который не приносит себя в жертву, но ищет её в других. Не просто человеческое

¹⁰ Э. Сведенборг, *О первом состоянии человека по смерти; О втором состоянии человека по смерти*, [в:] Idem, *О небесах, о мире духов и об аде*, Киев 1993 – Лейпциг 1863, с. 266, 268, 273.

подавляется в Акакии Акакиевиче, но искажается и та благодать, которая была на нём, переходя в свою гибельную противоположность¹¹.

В свою очередь, осмысление психо-экзистенциального феномена гоголевского героя на различных этапах его физического и метафизического бытия с глубиннопсихологических позиций, – и в первую очередь с учётом активизации проявлений *трансцендентальной функции*, – позволяет проследить динамику всплеск и угасания активности его сознания и бессознательного. Итак, пробраз *самости*¹² протагониста в совершенстве и полноте его внутренней духовной гармонии и подвижнического выполнения профессиональных обязанностей, по сути, никем из его профанного, в духовном отношении, окружения (а также им самим) не был ни замечен, ни оценён должным образом. Внешнее же выражение позитивных качеств героя всеми воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Отсюда парадигма психо-социального бытия Башмачкина, которому „забралось уже за пятьдесят лет“¹³, на протяжении всей его жизни имела характер, несомненно, *тенево́й* / маргинальный, но при этом вполне невинный. Специфика же реализации *трансцендентальной функции* в душевном мире Акакия Акакиевича детерминирована изначальным отсутствием у него ярко выраженного архетипического комплекса *персоны*, в т.ч. её агрессивных претензий на карьерный рост, внешний успех в социуме и т.п. Вот почему в окончательной, напоминающей *некролог* характеристике повествователя, ориентированной на систему иллюзорных ценностей внешней *персоны*, враждебной каким бы то ни было запросам духовной жизни, Акакий Акакиевич предстаёт как

существо, никем не защищённое, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естествонаблюдателя [...]

¹¹ Д. Емец, *1. Акакий Акакиевич Башмачкин*, [в:] Idem, *Житийные традиции в повести Гоголя „Шинель“ (Какие чувства связывали Акакия Башмачкина с его шинелью? Толкование повести Н.В. Гоголя)*, цит. по: book-online.com.ua/read.php?book=9029

¹² Об архетипе *самости* см.: К.Г. Юнг, *Самость*, [в:] Idem, *Аион. Исследование феноменологии Самости*, пер. с англ. и лат. М.А. Собуцкий, отв. ред. С.Л. Удовик, Москва – Киев 1997, с. 35–49; Idem, *Нераскрытая самость (настоящее и будущее)*, [в:] Idem, *Синхронистичность...*, с. 53–120; см. также: Э. Самуэлс, *Самость и индивидуация*, [в:] Idem, *Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа*, пер. с англ. В.В. Зеленский, предисл. и науч. ред. С.О. Раевский, Москва 1997, с. 150–216; D. Sharp, *Jaźń*, [в:] Idem, *Leksykon...*, с. 82–83; M. Piórog, *Proces indywidualizacji*, [в:] Idem, *Psyche i Symbol. Teoria symbolu Carla Gustawa Junga na tle ujęć porównawczych rzeczywistości symbolicznej*, Kraków 1999, с. 74–78.

¹³ Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений в семи томах*, под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко, т. 3: *Повести*, примечания Г.М. Фридендер, Москва 1977, с. 138.

переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу¹⁴.

Однако психо-духовное развитие индивида *a priori* исходит из необходимости и правомерности формирования на определённом этапе социальных личин / масок *персоны*. Эти последние являются результатом неизбежного компромисса прогрессирующей личности перед лицом ригористических требований, выдвигаемых ей со стороны общества. В соответствующий момент, когда они начинают тормозить дальнейшее поступательное развитие человеческой души, их следует отбросить без малейшего сожаления. Что же касается *трансцендентальной функции*, то её задача на этапе формирования социально адекватной персоны сводится к психологическому посредничеству, обеспечивающему сложный процесс создания индивидуально приемлемого и как можно более комфортного эго-образа.

Так, в течение последних семи месяцев бытия Башмачкина в его физическом теле: с октября по апрель, – т.е. в период зарождения, вынашивания и воплощения в жизнь идеи *новой шинели*, во многом ставшей неосознанной проекцией¹⁵ *аниматического* образа души¹⁶ Акакия Акакиевича, а также его сокровенным эротическим объектом и символом¹⁷, – индивидуальность протагониста начинает стремительно обрастать социальной личиной *персоны*. Это, однако, происходит только затем, чтобы сразу после обретения и утраты (в один и тот же день!) *возделенной* обшивки, прихотливо синтезировавшей субъективно *сакральные* и объективно *профанные* характеристики, потеряв какую бы то ни было надежду вернуть её, так же резко погрузиться в *тень*¹⁸ – на этот раз довольно грозную.

¹⁴ Ibidem, с. 140.

¹⁵ См.: D. Sharp, *Projekcja*, [в:] Idem, *Leksykon...*, с. 132–135.

¹⁶ Об архетипической природе *аниматического* образа души см.: К.Г. Юнг, *Анима и анимус*, [в:] Idem, *Собрание сочинений. Психология бессознательного...*, с. 253–281; Idem, *Сизифия: анима и анимус*, [в:] Idem, *Aion...*, с. 22–34; см. также: D. Sharp, *Anima, Animus*, [в:] Idem, *Leksykon...*, с. 28–36; M. Piórog, *Proces indywidualności...*, с. 71–73; СЕМИРА, *Послесловие переводчика (Анима, Анимус)...*, с. 317–326.

¹⁷ См., напр.: Дм. Чижевский, *О „Шинели” Гоголя*, „Современные записки” № LXVII, Париж 1938, с. 187–191. В данном контексте важным указанием является также многоплановый символ *куницы*, которую Башмачкин не прочь „положить [...] на воротник” (Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений в семи томах...*, т. 3, с. 128), поскольку в украинских „народных обрядах куница считалась символом невесты, девицы, за которую давали куничный откуп”, – см.: Д. Емец, *1. Акакий Акакиевич Башмачкин...*

¹⁸ Об архетипе *тени* см.: К.Г. Юнг, *II. Тень*, [в:] Idem, *Aion...*, с. 18–21; Idem, *Борьба с тенью*, [в:] Idem, *Синхроничность...*, с. 41–51; см. также: D. Sharp, *Сієй*, [в:] Idem, *Leksykon...*, с. 43–46; M. Piórog, *Proces indywidualności...*, с. 69–71; СЕМИРА, *Послесловие переводчика (Тень)...*, с. 313–317.

Роковой мотив *новой шинели*, безжалостно погубившей *вечного титулярного советника*, сам по себе весьма эффектен и оригинален в эстетико-художественном плане. Однако это не шинель, будучи всего-навсего фетишем / мёртвым субститутом высших порывов души протагониста, довела его до тотальной экзистенциальной катастрофы на всех уровнях бытия. С глубинно-психологической точки зрения, истинную причину как духовного, так и социального упадка Акакия Акакиевича следует искать именно в личной неготовности героя дифференцировать и аналитически ассимилировать архетипические символы и мотивы бессознательного, настойчиво атакующие его слабо пробуждённое сознание.

На новом этапе реализации *трансцендентальной функции* психотип смиренного *титулярного советника* изменяется в корне, проявляя диаметрально противоположные черты и свойства. Так, агрессивное *теневое* поведение протагониста, принявшее во время агональной нервной горячки форму отчаянного *вербального протеста / сквернохульничанья*: никто „отроду” *не слышал* „от него ничего подобного”¹⁹, – после его смерти значительно усугубилось, переходя в фазу совершения социально опасных психо-физических действий. Протагонист-мертвец, пребывая в состоянии сильнейшего гнева, вовсе не типичном для него при жизни, по всей видимости, в соответствии с мистическими откровениями Сведенборга, даже не принял к сведению факта собственной телесной смерти. При этом он в течение *недели* (т.е. приблизительно в рамках тех сакраментальных *девяяти дней*, пока душа новопреставленного ещё пребывает на земле), „по ночам [...] не разбирая чина и звания”²⁰, преследует живых чиновников, *сдирая с них шинели*.

Глубиннопсихологический мотив, лежащий в основе подобных агрессивнотеневых проявлений *загробной* активности Башмачкина, весьма spektakyлярен: душа протагониста, отождествившись с *тенью* мстителя, по существу, в максимально полном объёме реализует чрезвычайно широкие возможности *трансцендентальной функции* как таковой, разоблачая *персону* на всевозможных уровнях бюрократической иерархии²¹. Показательно, что в ходе этого *ночного* (т.е. *теневого*, бессознательного) процесса, по крайней мере,

¹⁹ Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений в семи томах...*, т. 3..., с. 140.

²⁰ Ibidem, с. 141.

²¹ Показательно, что посмертные приключения Башмачкина Емец также рассматривает при посредстве концепта *тени*, – правда, вне юнгианского контекста. Ср.: „в финале повести Акакий Акакиевич является в виде «живого мертвеца», призрака, в виде тени; [...] эта тень выступает в роли мстителя и пугает живых; оставаясь призрачно нереальной, она, однако, вполне реальным образом срывает с них всевозможные покровы [...] тень действует по восходящей линии – от титулярных советников до «самых тайных», то есть от девятого класса до первого в табели о рангах. Страшная тень перебирает всю чиновную иерархию”, – см.: Д. Емец, *1. Акакий Акакиевич Башмачкин...*

в одном случае был достигнут стойкий положительный эффект не только психологической компенсации²², но и духовной терапии.

В исследовательской литературе, посвящённой повести *Шинель*, одному из её колоритных второстепенных персонажей, – а именно генералу, который „недавно сделался значительным лицом”²³, – традиционно уделяется не слишком много внимания. При этом совершенно упускается из виду, что он выступает репрезентантом довольно показательного, а главное – динамично прогрессирующего психотипа, чья душа *de facto* проходит глубокую трансформацию, попадая в силовое поле суггестивного воздействия *трансцендентальной функции*.

В частности, *значительное лицо* именно благородя психотравматическому для него столкновению с карающей *тенью* Башмачкина во многом восстанавливает свою совсем было утраченную – после повышения в чине – человечность в контактах с подчинёнными, а главное – в границах своей собственной идентичности. Творческое применение „метода медленного чтения, единственного правильного метода чтения классиков”, блестяще апробированного Дмитрием Чижевским (1894–1977) в его знаменитой статье *О „Шинели” Гоголя*, увидевшей свет в Париже в 1938 г., позволяет не только *насладиться* „рассказом Гоголя «по каплям»”, но и *заметить* в нём „много мелочей”²⁴ – бесценных в контексте юнгианского анализа. Например, оказывается, что генерал, в сущности, не столько по собственному злему умыслу, сколько воистину по воле слепого рока, будучи жалкой и беспомощной марионеткой во власти таких грозных архетипических сил бессознательного, как взаимоуничтожающая пара *персоны* и *тени*, стал причиной преждевременной гибели бедняги чиновника девятого класса²⁵, в бесплодных поисках защиты и помощи фатальным образом оказавшегося в несоответственное время – в несоответственном месте – и к тому же в крайне несоответственном для себя обществе.

Исходная агрессия *значительного лица* по отношению к ничтожному в его глазах титулярному советнику представляет собой психологически неизбежную реакцию *персоны* на свою *тень*, воплощающую всё то, что для неё абсолютно неприемлемо и потому вызывает в ней эмоционально крайне острое, неосознанное и непреодолимое желание избавиться от этого непосильного для души груза любой ценой – вытеснить, репрессировать, *распечь в пух* и т.д. А поскольку и сам обидчик Акакия Акакиевича, лишь *без году неделю*

²² О юнгианском аспекте *психологической компенсации* см.: D. Sharp, *Kompensacja*, [в:] Idem, *Leksykon...*, с. 86.

²³ Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений в семи томах...*, т. 3..., с. 136.

²⁴ См.: Дм. Чижевский, *О „Шинели” Гоголя...*, с. 173.

²⁵ См.: *Табель о рангах*, [в:] www.gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedia-dictionary

сделавшийся генералом – т.е. „значительным лицом, а до того времени он”, как и его неожиданный посетитель, „был незначительным лицом”²⁶, постольку очевидно, источником каких – субъективно глубоко *травматических* – переживаний для его дезинтегрированной психики (находящейся в *суппензированной* / подвешенном состоянии, потому что „место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими, ещё значительнейшими”²⁷) становилась необходимость ежедневных служебно-должностных контактов с *нижними чиновниками* разного рода.

Фундамент восприятия генералом Башмачкина в *теневых* категориях жидется на, быть может, не таком очевидном внешне, но зато внутренне весьма существенном подобии этих персонажей, неформально взаимосвязанных *ободоострым* воздействием *трансцендентальной функции*. Кроме того, исходя из теоретических парадигм юнгианской аналитической психологии, экзистенциальная близость обоих усматривается в том, что они – люди одного пола²⁸ и примерно одного *немолодого* возраста, принадлежащие к одному элитарному сословию – столичного *чиновного народа*, на иерархической лестнице которого протагонист занимает отнюдь не самую низкую, а его антагонист – далеко не самую высокую ступень. На этом психо-символическом фоне неприкаянный *штутлярный советник* (имевший „смиренный вид [...] и [...] старенький вицмундир”²⁹, а вдобавок социально и морально дискредитированный самим фактом утраты такой глубоко сакральной в понимании любого чиновника вещи, как *новая шинель*, символизирующая карьерный рост – повышение в чине³⁰) оказался идеальным объектом бессознательной глубиннопсихологической проекции *теневых* качеств самого *значительного лица*.

Что же касается *трансцендентальной функции*, то богатейший потенциал различных её воздействий, способов и форм (в т.ч. компенсационных, уравновешивающих, трансформационных и др.) наиболее полнокровно проявляется в процессе взаимной *конфронтации* персонажей с архетипическими мотивами *тени*. Этот процесс реализуется в два этапа, причём с каждым из двух его субъектов связан свой специфический аспект глобальной психодрамы,

²⁶ Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений в семи томах...*, т. 3..., с. 136.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ср.: „тень [...] всегда” *наделена* „тем же полом, что и субъект”, – см.: К.Г. Юнг, *II. Тень...*, [в:] Idem, *Aion...*, с. 20.

²⁹ Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений в семи томах...*, т. 3..., с. 137.

³⁰ „Иерархия чинов в описываемое Гоголем время отражалась в форме одежды: «Мундир означает место служения, а также степень звания и должности» [...] На шинелях в строгом соответствии допускались воротники из чёрной мерлушки для чиновников низших классов, а бобровые – для чиновников первых четырёх классов”, – см.: Д. Емец, *I. Акакий Акакиевич Башмачкин...*

в одном случае откровенно трагический, в другом – экзистенциально более щадящий. Рассматриваемая конфронтация начинается в кабинете *значительного лица*, заканчивается – в его же санях. На первом этапе генерал проявляет агрессивные *теневые* качества: гнев, бесчеловечность, злоупотребление высоким служебным положением по отношению к нижестоящему коллеге, нуждающемуся в помощи, – тогда как *титularный советник* – виктимные: чуть ли не *нуминозный* трепет перед высоким генеральским чином, тотально парализующий его личность, а также малодушие, пассивность, неумение постоять за себя и т.п.

На втором – заключительном – этапе протагонист и антагонист переходят на диаметрально противоположные *теневые* позиции, *жертва* становится *преследователем* – и наоборот, причём сам глубиннопсихологический процесс дополнительно усложняется мистическим аспектом бытия. Психо-экзистенциальная парадоксальность взаимной конфронтации *двух чиновников* заключается в том, что гонитель Акакия Акакиевича, не менее чем он сам, в ряде случаев выглядит откровенно жалким существом – вопреки всей, казалось бы, неоспоримой *значительности* своего весьма высокого социально-бюрократического статуса:

Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть. [...] как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон [...] и положение его возбуждало жалость³¹.

Думается, что вовсе не случайно на этапе конфронтации с *чиновником-мертвецом, бедным и бледным*, генерал *volens nolens* бессознательно копирует его виктимные *теневые* черты, чуть ли не зеркально, хотя и в более слабой форме повторяя / переживая всё то, что случилось с Акакием Акакиевичем при их первой встрече – во время „должностного распеканья [...] в пух” и после него:

Бедное значительное лицо чуть не умер. [...] почувствовал такой страх, что не без причины даже опасался насчёт какого-нибудь болезненного припадка. [...] Бледный, перепуганный и без шинели [...] он приехал к себе, доплёлся кое-как до своей комнаты и провёл ночь весьма в большом беспорядке, [...] на другой день [...] молчал и никому ни слова о том, что с ним случилось³².

³¹ Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений в семи томах...*, т. 3..., с. 136, 137.

³² *Ibidem*, с. 142, 143–144.

Такая довольно выразительная символично-эмоциональная, почти зеркальная симметричность процитированного фрагмента относительно генетически исходной ситуации Акакия Акакиевича, думается, не вызывает сомнения. Ср.:

Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять [...] его вынесли почти без движения [...] Он не слышал ни рук, ни ног. В жизнь свою он не был ещё так сильно распечён [...] добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слёг в постель. [...] На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. [...] Наконец бедный Акакий Акакиевич испустил дух. [...] Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом³³.

Теневой вектор, проявляя амбивалентные морально-этические качества и свойства в контексте последовательной реализации *трансцендентальной функции*, срабатывает и в перевёрнутой перспективе. Надменный, гневный, немилосердный, лишённый элементарного самообладания и внутреннего самосознания персонаж, вдобавок фактически безымянный³⁴, которого „генеральский чин совершенно сбил с толку”³⁵, в системе духовных координат кротости, праведности, подвижничества и юродства протагониста также воплощает потенциальные / *вытесненные*³⁶ архетипические проявления его агрессивно-теневой личностной сущности. Ведь вовсе недаром *чиновнику-мертвецу*, по всей видимости, „генеральская шинель пришлась [...] совершенно по плечам”³⁷.

Архетипические мотивы *тени* в повести *Шинель*, несмотря на то, что персонажи переживают их глубоко бессознательно, чрезвычайно богаты по содержанию. Их смысловой диапазон простирается от довольно невинных, инфантильных, порой забавных – до самых грозных, агрессивных проявлений, которые в ритуально-мифологическом плане идентифицируются как черномAGICESКИЕ. Одно из этих последних видится в слепом и тупо-самодовольном *упоении* генерала безумной „мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека”³⁸. Напрашивается вывод, что, впад в безудержном гнев

³³ Ibidem, с. 138, 139, 140, 143.

³⁴ Повествователь, правда, вспоминает, что генерал и его приятель, переговорив „обо всём”, обменивались репликами: „«Так-то, Иван Абрамович!» – «Этак-то, Степан Варламович!»” (см.: Ibidem, с. 137), – из которых, однако, нельзя определить, какое именно из этих двух имён-отчеств принадлежало *значительному лицу*.

³⁵ Ibidem, с. 136.

³⁶ О глубиннопсихологическом феномене *вытеснения* см.: D. Sharp, *Sztumienie*, [в:] Idem, *Leksykon...*, с. 154–155.

³⁷ Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений в семи томах...*, т. 3, с. 144.

³⁸ Ibidem, с. 139.

в состоянии крайне бессознательное, *значительное лицо* воистину не ведал, что творил. На аффективный и неконтролируемый характер *теневого* агрессивности персонажа по отношению к нижестоящим чиновникам проливают дополнительный свет следующие наблюдения Юнга:

Рассмотрение теневых характеристик – т.е. изъянов, из которых составлена тень – с более близкого расстояния позволяет обнаружить, что они наделены *эмоциональной* природой, а также своего рода автономией; соответственно, им присуще свойство навязчивости, точнее сказать – властного овладения. [...] эмоция обычно выступает не как собственная активность индивида, но как нечто случившееся с ним. Аффекты провоцируются чаще всего там, где слабее адаптация; при этом они раскрывают и причину её слабости, а именно, определённую степень ущербности и наличие более низкого уровня развития личности. На этом пониженном уровне, с неконтролируемыми или едва контролируемыми эмоциями, человек ведёт себя в какой-то мере как дикарь, не только являющийся пассивной жертвой своих аффектов, но и примечательным образом неспособный к моральным суждениям³⁹.

В свою очередь, было бы ошибкой недооценить тот факт, что в навязчивое состояние черномagicеской вербальной агрессии на определённом этапе реализации *трансцендентальной функции* впадает и сам Акакий Акакиевич. В своём предсмертном бреду он, „наконец, даже сквернохульничал, произнося самые страшные слова”, которые „следовали непосредственно за словами «ваше превосходительство»”⁴⁰. А поскольку человеческая идентичность *значительного лица*, в сущности, исчерпывается / поглощается его титулом, выступающим лексико-символическим субститутот имени этого персонажа, постольку и *тенева* вербальная агрессия протагониста в данном случае типологически сопоставима с черномagicескими актами, направленными на поношение имени с целью причинения вреда наречённому им человеку. К подобным *конвенциональным* актам причисляются, в частности, вредоносные заговоры, инвективы, проклятия, издёвки, сквернословие, непристойности и т.п.⁴¹. Вот почему в рассматриваемом контексте так суггестивно звучит как бы удвоенная повествователем глагольная форма *сквернохульничал*, т.е. *сквернословил* и *хулил* в одно и то же время, синтезирующая два лексико-семантических компонента, которые в подобном сочетании взаимно усиливают, возводя *в квадрат*, значение друг друга.

³⁹ К.Г. Юнг, *П. Тень...*, [в:] *Idem...*, с. 18–19.

⁴⁰ Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений в семи томах...*, т. 3, с. 140.

⁴¹ См.: В.Н. Топоров, *Имена*, [в:] *Мифы народов мира: Энциклопедия: Электронное издание*, предисл. С.А. Токарев, Е.М. Мелетинский, гл. ред. С.А. Токарев, Москва 2008, с. 420.

Анализ специфических особенностей реализации *трансцендентальной функции*, которая в контексте рассматриваемой повести компенсирует психо-социальную позицию бессознательной *персоны* строго соответственным, вытесненным ею содержанием, позволяет увидеть *теневые* черты *маленького человека* не только в *вечном титулярном советнике* Акакии Акакиевиче Башмачкине, но и в безмянном *значительном лице* – генерале. Недвусмысленно связанные общностью и взаимодействием ряда весьма существенных глубиннопсихологических аспектов, эти гротескные гоголевские персонажи по своей экзистенциальной, а также психо-духовной сущности окончательно предстают как „две крошечные фигурки, равные перед лицом Всевышнего”⁴².

* * *

Поскольку „развитие трансцендентальной функции зависит от осмысления индивидом материала бессознательного, наиболее доступного в снах, трудных, однако, для понимания”, постольку Юнг „отдал предпочтение, как более результативному, методу активного воображения”, предполагающему, среди прочего, „придавание «формы» снам, фантазиям и т.п.”⁴³. В проекции на живую ткань художественного произведения всё это непосредственно соотносится с рядом аспектов образного мышления, например, с отчаянной попыткой как самого художника слова, так и его персонажей отыскать, по словам учёного, „своё единственное и неповторимое средство экспрессии”⁴⁴, которое, в свою очередь, пополняет арсенал выразительных образных средств литературно-художественного текста – его *конвенций*.

Несмотря на то, что в сугубо глубиннопсихологическом контексте исследования феномена реализации *трансцендентальной функции* проблему литературно-художественной *конвенции* как таковую Юнг непосредственно не затрагивал, учёный, тем не менее, придавал весьма важное значение различным аспектам вербально-эстетической артикуляции / формализации бессознательных содержаний. Вот, например, несколько весьма показательных суждений исследователя:

Там, где доминирует принцип творческого формулирования, материал постоянно меняется и накапливается до тех пор, пока не происходит что-то вроде

⁴² Д. Емец, *1. Акакий Акакиевич Башмачкин...*

⁴³ См.: D. Sharp, *Funkcja transcendentna...*, с. 64; ср.: „Толкование сновидений было бы идеальным методом для синтеза содержимого сознания и бессознательного, но на практике анализ своих собственных сновидений является чрезвычайно трудным делом”, – см.: К.Г. Юнг, *Трансцендентальная функция...*, с. 24.

⁴⁴ Цит. по: D. Sharp, *Funkcja transcendentna...*, с. 65.

конденсации мотивов в более-менее стереотипные [иначе говоря, *конвенциональные* – И. Б.] образы. Они стимулируют творческую фантазию и выполняют, в основном, роль эстетических мотивов. Эта тенденция ведёт к эстетической проблеме художественного формулирования. [...] эстетическое формулирование нуждается в понимании смысла, а пониманию требуется эстетическое формулирование. [...] сознание представляет свои средства выражения в распоряжение содержимого бессознательного. [...] Содержимое бессознательного прежде всего хочет быть замеченным, а этого можно достичь только посредством придания ему формы, и оно также хочет, чтобы о нём судили только после того, как всё, что оно должно сказать, получит осязаемую форму⁴⁵.

Будучи одним из наиболее сокровенных / глубинных проявлений активности бессознательного, *трансцендентальная функция* в процессе литературно-художественного творчества столь же парадоксальным, сколь и естественным образом довлеет, между прочим, вербальной формализации / *конвенционализации* бессознательных содержаний различного рода на уровне сознания. При этом сама творческая формализация / *конвенционализация* может иметь характер как осознанный, так и бессознательный, что указывает на её глубинно психологическую генеалогию, восходящую к общим с *трансцендентальной функцией* истокам.

⁴⁵ К.Г. Юнг, *Трансцендентальная функция...*, с. 32–35.